

Виктор Пелевин

Свет горизонта

ФТМ

Дима и Митя

Виктор Пелевин

Свет горизонта

«ФТМ»

2004

Пелевин В. О.

Свет горизонта / В. О. Пелевин — «ФТМ», 2004 — (Дима и Митя)

ISBN 978-5-4467-2767-4

«Мир состоял из двух пересекающихся под прямым углом плоскостей, и сначала было неясно, какую из них считать вертикальной, а какую горизонтальной, – все зависело от положения наблюдателя и его личной гравитационной ориентации. На первой плоскости сидели два серебристо-серых мотылька. По другой медленно двигалось что-то темно-коричневое, как бы состоящее из двух частей. Сначала оно было слишком далеко, чтобы про него можно было сказать что-то определенное...»

ISBN 978-5-4467-2767-4

© Пелевин В. О., 2004

© ФТМ, 2004

Виктор Олегович Пелевин

Свет горизонта

(А) Ввиду беспределности знания остается очень небольшое из того, что еще должно быть познано, например, светлячок в бесконечном пространстве.

«Йога-сутра» Патанджали

Мир состоял из двух пересекающихся под прямым углом плоскостей, и сначала было неясно, какую из них считать вертикальной, а какую горизонтальной, – все зависело от положения наблюдателя и его личной гравитационной ориентации. На первой плоскости сидели два серебристо-серых мотылька. По другой медленно двигалось что-то темно-коричневое, как бы состоящее из двух частей. Сначала оно было слишком далеко, чтобы про него можно было сказать что-то определенное. Потом оно приблизилось, и стал виден жук-навозник. Тогда стало ясно, что поверхность, по которой он перемещается, – это пол: даже если бы сам жук мог ползти по стене, держась на каких-нибудь присосках, навозный шар, который он толкал перед собой, сразу упал бы. Поэтому та плоскость, на которой сидели два мотылька, несомненно, была стеной.

– Погляди на него, – сказал один мотылек другому. – Что ты видишь?

Второй мотылек внимательно взгляделся в коричневый шар.

– Его дочь учит испанский язык, – сказал он, – и это довольно дорого обходится их семье. Он хочет ехать отдыхать в Хургаду и только что пережил серьезный домашний скандал по этому поводу... А сейчас он думает о шляпе из пальмового листа, которая висит в комнате у его дочери. Причем по какой-то причине он настолько погружен в мысли об этой шляпе, что я вижу ее во всех подробностях, как на снимке с хорошим разрешением. Вот и все. Я имею в виду, все его особенности.

– Неплохо, – сказал первый мотылек. – Но я говорю не про его шар. Я говорю про него самого. Погляди на его голову.

– Ага, – сказал второй мотылек. – Вижу. Маленькое зеркальце, как у отоларинголога. Я никогда раньше не замечал, что у скарабеев такие на голове. Как оно называется?

– Оно не называется никак.

– То есть?

– Имена всему дают скарабеи. Но никто из скарабеев даже не догадывается об этом зеркальце на собственной голове.

– У него совсем нет имени?

– Совсем. И не только у него. Имени нет ни у одного предмета. И ни у одного насекомого. И ни у одного животного. Имена есть только у скарабеев.

– Тебя зовут Дима. А меня Митя. Разве это не наши имена?

– Так нас звали, когда мы были жуками-навозниками. Теперь нас не зовут никак.

– Хорошо, но ведь можно, например, сказать, что ты ночной мотылек? Это ведь тоже имя?

– Даже если скарабей называет одно насекомое ночным мотыльком, другое – мухой, а третье – комаром, это все равно его собственные имена. Ни одно существо, которому навозники дали имя, даже не подозревает об этом.

Митя задумался.

– А собаки? Или кошки? Они же узнают свое имя, когда их позовешь?

– Ничего подобного. Они не знают, что это имя. Для собаки это просто звук, после которого ей дадут поесть. Хотя я слышал и такую точку зрения: якобы самые умные из собак полагают, что скарабей, подзывающий их к себе, выкрикивает свои собственные имена. Самые про-

двинутые собаки подозревают, что скарабею стало одиноко и страшно после того, как он дал себе имя, и он все время зовет на помощь. Поэтому, чтобы объяснить ему, что они с ним, несмотря ни на что, собаки отвечают ему громким сочувственным лаем...

– А почему скарабеи дают имена всему, что видят?

– Кто тебе сказал, что они дают имена всему, что видят?

– Ты. Только что.

– Нет, я этого не говорил. Скарабеи не дают имена тому, что видят. Все совсем наоборот – они видят только имена, которые они всему дают. Вот, например, эти цветы на подоконнике. Или этот закат за стеклом. Что это такое на самом деле, не знает никто. Но скарабеи научили нас вынимать свою коллекцию бирок и сверяться с надписями на них до тех пор, пока не выпадут слова «цветы» и «закат».

– Допустим, – сказал Митя. – Но ведь бирки всегда вешаются на что-то. На что мы их вешаем?

– Хороший вопрос... Тебе случалось в детстве шарить биноклем по чужим окнам в поисках бесплатного стриптиза?

– А какое это имеет...

– Самое прямое. Случалось?

– Было дело.

– Тогда ты, видимо, знаешь, с какой охотой ум принимает за ожидаемое все, что угодно, – то таз, висящий на стене, то край ковра, то подушку, то складку одеяла. Был такой писатель Набоков, который замечательно описал этот процесс применительно к ярлыку «нимфетка», который он сам же и выдумал. Но если мы начнем выяснять, на что вешается этот ярлык, мы каждый раз будем упираться в другую бирку – «одеяло», «таз», «подушка», «локоть одинокого курильщика» и так далее. Начнем искать, на чем висят другие бирки – упремся в новые, и так до бесконечности. В этом пространстве ярлыков и бирок все похоже на примечание к другому примечанию, все опирается друг на друга, как этажи вавилонской башни, уходящей в дурную бесконечность. Если ты попытаешься найти фундамент, на котором стоит эта башня, или слово, к которому было сделано самое первое примечание, ты не сможешь этого сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.